

Пока в голове Пань Сюаня на большой скорости проносились всевозможные способы защиты, словно мелькающие в калейдоскопе картинки, он нахмурился, а со лба градом катились крупные капли пота, смачивая виски — юноша пытался отыскать хоть проблеск надежды на выживание в этой безвыходной ситуации. Однако грохочущие небесные раскаты не собирались проявлять ни малейшего терпения и ждать, пока Пань Сюань придумает контрмеру.

В мгновение ока темные тучи словно заворочало невидимой гигантской рукой, они начали вздыматься словно многослойные волны, напоминая хищных зверей, готовых разорвать жертву на части.

Следом за этим удар молнии толщиной с водосточный бочонок, объятый невообразимым небесным величием, с сокрушительной силой устремился прямо на Пань Сюаня. Всё, чего он касался, оставляло за собой черные трещины в расколотом пространстве, а в воздухе повис едкий запах гари, словно настал конец света.

Заметив это, Пань Сюань блеснул решимостью во взгляде — больше не колеблясь ни секунды, он крепче сжал в руке излучающую первозданную древность Измеряющую Небо Линейку Хунмэн. Ее корпус слегка завибрировал, словно откликаясь на боевой дух хозяина.

Пань Сюань глубоко вздохнул, его духовная энергия бешено завращалась, одежда затрепетала от ветра, и он яростно бросился навстречу жуткому небесному грому.

В этот момент в сердце Пань Сюаня билась лишь одна мысль: даже ценой истощения собственной первоосновы он должен выжить!

Он прекрасно понимал: пока он жив, возможно абсолютно всё; но если он погибнет, то какими бы глубокими ни были его истоки и сколь мощным ни оказалось бы покровительство, всё обратится в прах, а любые чаяния станут лишь иллюзией.

Пань Сюань почувствовал, как внутри него бурлит кровь, и едва он успел кое-как выровнять тело, как поражающая воображение молния с новым разрушительным свистом вновь обрушилась прямо на него.

Раздался оглушительный грохот, и Пань Сюань, словно оборванный бумажный змей, безвольно и стремительно снова полетел вниз, с силой ударившись о землю. Не успел он оправиться от этого мощнейшего удара, как онемевшее тело еще не слушалось команд, а на него уже надвигались следующие раскаты грома, несомые колоссальным давлением.

Пань Сюань мысленно выругался: он понимал, что в нынешнем состоянии у него нет ни единого шанса увернуться от этой смертельной атаки, и в глубине души уже подумывал, не придется ли пожертвовать собственным первородным началом, чтобы отразить неминуемую гибель.

В этот критический момент между жизнью и смертью Пань Сюань превозмог невыносимую

боль и онемение во всем теле, быстро уселся по-турецки на землю и, молниеносно взмахнув руками, изо всех сил сплел защитный барьер.

Он отчетливо понимал, что этот щит едва ли сможет полностью отразить мощь небесной грозы, но даже если удастся смягчить хотя бы крупицу урона, это подарит еще один шанс на спасение.

На мгновение вокруг Пань Сюаня замерцало сияние духовной энергии.

Однако шло время, а ожидавшаяся страшная боль так и не пришла.

Исполненный сомнений Пань Сюань осторожно приподнял голову и увидел, что прямо над его макушкой, словно божественное благословение, тихо зависло мягко светящееся золотое облако.

Вокруг этого облака клубилась великая праведность, при взгляде на которую невольно рождалось благоговение.

Стоило Пань Сюаню разглядеть облако, как его глаза резко расширились, а во взгляде отразились крайнее изумление и восторг.

Разве мог он не узнать это легендарное сокровище Хунхуана, порожденное той самой великой праведностью из сердца Паньгу во время сотворения мира — Облака Праздника Миров!

В тот самый миг, когда он опознал Облако Праздника Миров, натянутая до предела струна в душе Пань Сюаня наконец со щелчком лопнула, и он ощутил полное облегчение.

Он прекрасно знал: это Облако Праздника Миров некогда было даровано самим Прародителем Дао Юй-цин Юань-ши Тянь-цзюню в качестве высшего сокровища, когда тот слушал проповеди во Дворце Цзыся и был принят в ученики.

Раз уж Облако Праздника Миров находилось здесь, это означало, что его отец, один из Трех Чистых — Юй-цин Юань-ши Тянь-цзунь, непременно находился неподалеку, а значит, его собственная жизнь была спасена.

Заметив, как ослепительное, переливающееся тысячью лучей Облако Праздника Миров, словно несокрушимый щит, надежно отражает невообразимо мощную и разрушительную Небесную Казнь Девяноста Девяти, Пань Сюань немного расслабился.

Он медленно опустился на землю, скрестив ноги, и естественно положил руки на колени, а аура вокруг него ушла внутрь.

Урон, нанесенный буйством небесной казни, сделал его лицо бледным, а духовная энергия исчерпалась в недавнем противостоянии. Закрыв глаза и сосредоточившись, он отбросил все посторонние мысли и полностью погрузился в самоисцеление.

Время текло словно журчащий ручей, и каждая минута и секунда свидетельствовали об этом захватывающем дух испытании.

Наконец, после долгих мучений, он успешно преодолел Небесную Казнь Девяноста Девяти.

С окончанием испытания обратный отклик Небесного Пути, подобно лучам рассвета, пролился из постепенно рассеивающихся грозовых туч мягким и таинственным свечением.

Эта сила беспрепятственно и плавно влилась внутрь Пань Сюаня.

В ту пору Пань Сюань изо всех сил вращал техники для залечивания ран, и его прежде истерзанное тело под воздействием этой энергии Небесного Пути стало затягиваться на глазах, в мгновение ока вернувшись в первозданный вид.

Мало того, его аура тоже тихо претерпела изменения: застрявшая на пике Золотого Бессмертного ступень словно пробила невидимую преграду и устремилась вверх, уверенно достигнув ранней ступени Золотого Бессмертного Тайи.

Когда тучи окончательно рассеялись, небосвод на востоке внезапно озарился ярчайшим божественным светом.

Сперва по краю небес разлился легкий золотой ореол, а следом сияние стало еще ослепительнее.

Внутри этого света медленно проступила Колесница девяти драконов из агарового дерева, запряженная девятью живыми золотыми драконами, вокруг которых вилась яркая бессмертная ци, везущая повозку вперед.

Юань-ши Тянь-цзунь восседал на колеснице с суровым лицом, и от него исходила внушающая трепет властная аура.

Влекомая потоками бессмертной ци, Колесница девяти драконов из агарового дерева привезла Юань-ши Тянь-цзуня прямо на глаза Пань Сюаню.

Не успел Пань Сюань произнести и слова, как на лице Юань-ши Тянь-цзуня, источавшего неисчерпаемое величие и священный трепет, на суровом, подобно горному пику, лике вдруг мягко проступила легкая улыбка, словно лучи весеннего солнца, пробившиеся сквозь плотные тучи и принесшие капельку тепла.

Юань-ши Тянь-цзунь слегка кивнул, с отцовской нежностью глядя на Пань Сюаня. Его голос прозвучал раскатисто, подобно колоколу, но в нем слышалась нескрываемая радость, когда он медленно спросил:

— Знаешь ли ты, кто я?

Пань Сюань вздрогнул, а на его лице отразились глубокое волнение и благоговение.

Он быстро сложил руки в почтительном поклоне, выпрямил спину и, приняв серьезный вид, звонко и твердо ответил:

— Ваш сын, Пань Сюань, приветствует отца.

Услышав это, Юань-ши Тянь-цзунь улыбнулся еще шире и не удержался от громкого смеха, который, казалось, был способен расколоть оковы самого неба и земли.

Когда смех поутих, он с глубоким чувством произнес:

— Хорошо! Благоволением Небесного Пути мне посчастливилось обрести сына, рожденного в этом бескрайнем мире. Впредь, Сюань-эр, усердно постигай Дао: с твоими истоками и складом умысла ты непременно вознесешь мое Учение Чжань на недостижимую высоту.

Произнося это, Юань-ши Тянь-цзунь легко похлопал Пань Сюаня по плечу, а в его глазах читались горячие надежды.

Слушая слова отцовского доверия и ожидания, Пань Сюань почувствовал, как в груди поднимается мощная волна долга.

Не задумываясь ни на секунду, он выпрямил спину, в его глазах вспыхнул твердый огонек, и он непоколебимым тоном заявил:

— Сын непременно оправдает отцовские надежды и распространит учение Чжань по всей земле Хунхуан!

Сказав это, Пань Сюань крепко сжал кулаки, словно уже предвкушал день расцвета Учения Чжань.